

Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету

Каплин А. Д. И. В. Киреевский о путях исторического развития России // Вісник Харківського державного університету. – № 396: Історія. – Вип. 29. – Харків, 1997. – С. 62 – 71.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

5. Лавровский Н. А. Василий Назарьевич Каразин и открытие Харьковского университета // ЖМНП. — 1872. — № 2.
6. Пивненко А. С. Художественная жизнь города Харькова второй половины XIX — начала XX века (до 1917 г.): Автореф. дис. канд. искусствоведения. — М., 1990.
7. Редин Е. К. И. Е. Бецкий и музей изящных искусств и древностей Харьковского университета. — Харьков, 1901.
8. Редин Е. К. Каталог выставки XII Археологического съезда в городе Харькове. Отдел исторических древностей. — Харьков, 1902.
9. Музей изящных искусств и древностей Императорского Харьковского университета. — Харьков, 1904.
10. Редин Е. К. Харьков, как центр художественного образования юга России. — Харьков, 1894.
11. Редин Е. К. Ученая деятельность историко-филологического общества при Императорском Харьковском университете за первые двадцать лет существования (1877-1902). — Харьков, 1904.
12. Сумцов Н. Ф. Двадцатилетие историко-филологического общества при Императорском Харьковском университете. — Харьков, 1904.
13. Сумцов Н. Ф. Заметки об И. Е. Бецком // Харьковские ведомости. — 1885. — № 111.
14. Сумцов Н. Ф. Просветительная деятельность А. А. Палицина // Из украинской старины. — Харьков, 1905.
15. Сумцов Н. Ф. Труды Д. И. Каченовского по истории искусства // Южный край. — 1901. — № 6905.
16. Харьковские ведомости. — 1885. — № 120.
17. Указатель произведений, хранящихся в Императорском Харьковском университете. — Харьков, 1845.
18. Указатель произведений, хранящихся в Музее изящных искусств при Императорском Харьковском университете. — Харьков, 1877.
19. Указатель произведений, хранящихся в Музее изящных искусств при Императорском Харьковском университете. — Харьков, 1883.
20. Державний архів м. Харкова.

А. Д. Каплин

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

О ПУТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Несмотря на то что имя И. В. Киреевского часто упоминается при изучении общественной мысли России XIX в., отечественные исследователи о его исторических взглядах сказали немного [1, 2, 3].

В советское и постсоветское время специальных исторических работ ему посвящено не было, хотя о И. В. Киреевском продолжали писать русские эмигранты [4 — 6], а в зарубежной историографии последних десятилетий появилось четыре монографии о его философских воззрениях [7, с. 119]. Но и то немногое, что достигнуто историографией в изучении исторических, историософских воззрений И. В. Киреевского, его отношения к России, получает весьма упрощенное толкование. Причина этого не только в методологии подхода, но и в том, что наследие выдающегося мыслителя, даже опубликованное и доступное, не только во многом еще не изучено, но даже и не прочитано. Это дает простор для, по сути дела, любых измышлений по поводу взглядов И. В. Киреевского [8; 9 и др.], хотя они на самом деле гораздо интереснее, сложнее тех, которые закрепились за ним в историографической традиции. Ни выводы, ни ход самих рассуждений философа, богослова, историка не только не потеряли своей актуальности, но скорее, наоборот — обогатились новым смыслом и заставляют заново рассмотреть многие темы его постоянных раздумий, главная из которых — судьба России.

В данной статье речь идет о раннем этапе творчества И. В. Киреевского, главным образом до его отъезда за границу. Важнейшим для нас представляется вопрос: чем, собственно, какими идеями интересен этот период? Какое место занимают взгляды этого времени, связанные с русской историей, в контексте всего творчества мыслителя? Итак, прежде чем отвечать на вопросы, к какому направлению принадлежал И. В. Киреевский, на чьи идеи он опирался, какова эволюция его воззрений и т. д., необходимо определиться: а что именно он писал, от каких к каким идеям шел и что считал главным в различные периоды своей жизни.

Уже с первых строк раннего литературного опыта И. В. Киреевского («Царицынская ночь», 1827 г.) «тихие мысли» его героя «сами собой пошли разгадывать прошлую жизнь отечества» [10, т. 2, с. 147], а «сердечный разговор» довел друзей до «мечтаний о будущем..., о собственной судьбе и, наконец, о судьбе России» [10, т. 2, с. 148]. Безусловно, в этом произведении, прочитанном в салоне княгини З. А. Волконской, нельзя не заметить непосредственной принадлежности автора к блестящим любознательным молодым людям. Однако в данном случае интересно не столько это, сколько то, что считал для себя важным молодой И. В. Киреевский и как это отразилось на его дальнейшей жизни, а она не мыслилась вне общей жизни России. О чем он сердечно писал А. И. Кошелеву

в 1827 г.: «Не думай, однако же, чтобы я забыл, что я русский, и не считал себя обязанным действовать для блага отечества. Нет! Все силы мои посвящены ему», и дальше: «Куда бы нас судьба ни завела и как бы обстоятельства ни разрознили, — мечтал он о себе и своих братьях, — у нас все будет общая цель: благо отечества...» [10, т. 1, с. 10]. Общая цель, как видим, была определена в самом начале поприща, и она не менялась ни при каких ударах судьбы. Средством же мыслилась и была выбрана литература.

Эпистолярные свидетельства конца 1820-х гг. дышат пафосом, поэзией, стремлением к высокому служению общему благу. Такой настрой приводит И. В. Киреевского в первой анонимной публикации «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828 г.) к мысли, что «у нас ничей голос не лишний: мнение каждого, если оно составлено на чистом убеждении, имеет право на всеобщее внимание» [10, т. 2, с. 1]. Более того, он считает, что «в наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом публики» [10, т. 2, с. 1,2]. Но для чего же «обязывать» к этому самого себя? Автор сразу же дает ответ: «только общим содействием может у нас составиться то, ...чего до сих пор однако же, мы еще не имеем, и что, быв результатом, служит вместе и условием народной образованности, а следовательно, и народного благосостояния: я говорю об общем мнении» [10, т. 2, с. 2].

Для И. В. Киреевского чрезвычайно важно это «общее мнение», которого пока нет, а нет потому, что оно и результат, и условие народной образованности и благосостояния, которых тоже нет. Всего же этого можно достичь только «общим содействием». Вот откуда вытекает обязанность мыслящего человека выражать свой образ мыслей, но «общее мнение» должно быть «составлено по совести и основано на чистом убеждении» [10, т. 2, с. 1].

Как видим, при рассуждении о важнейших предметах выдвигаются необходимые нравственные требования. Отсутствие же необходимой нравственной высоты делает голос высказывающегося лишним, ненужным. По сути дела, уже здесь автор поставил некоторые из тех вопросов, над которыми он думал всю жизнь. Для него Россия — молодое государство, которое не участвовало в жизни западных народов, «блестящее поприще открыто еще для русской деятельности: все роды искусств, все отрасли познаний еще остаются неусвоенными нашему отечеству» [10, т. 2, с. 10].

Вступление И. В. Киреевского на поприще служения общему благу окрашено оптимизмом как личным, так и государственным, нацио-

нальным. Но почему же «молодой России» открыто «блестящее поприще»? Только потому, что она «не участвовала в жизни западных государств». Но одно неучастие и молодость еще недостаточные условия для блестящего будущего. Хотя И. В. Киреевский, разбирая поэзию А. С. Пушкина, и пытается указать на «основание русского характера», отмечая особо заметную «способность забываться в окружающих предметах и текущей минуте» [10, т. 2, с. 12]. Именно «она служит началом всех добродетелей и недостатков русского народа», именно «из нее происходит смелость, беспечность, неукротимость минутных желаний, великодушие, неумеренность, запальчивость, понятливость, добродушие и пр. и пр.» [10, т. 2, с. 12].

Говоря об основании характера русского народа, И. В. Киреевский не доказывает свое утверждение, ибо: «Есть вещи, которые можно чувствовать, но нельзя доказать иначе, как написавши несколько томов комментариев на каждую страницу» [10, т. 2, с. 12]. Но он отваживается указать на центр сердечной жизни русского народа, считая, что это невыразимое чувство понятно лишь русскому сердцу. Но даже если бы комментарии и последовали — трудно было бы ожидать от них убедительности, ибо неспроста один из героев «Царицынской ночи» предположил, что именно в «Борисово царствование» «в первый раз русский задумался об России» [10, т. 2, с. 148]. Эта недолгая «дума» предоставляла И. В. Киреевскому оптимизм высказывающийся и указывающий, но не доказующий. А душкинские произведения, например, он сравнивает с «самоцветными камнями в простом ожерелье», которые «блестят в однообразной нити жизни русского народа» [10, т. 2, с. 13].

Автор не видит противоречия в своих словах. Какая же в самом деле может быть однообразность «нити жизни» при таких качествах основания характера, как «неукротимость минутных желаний, ...неумеренность, запальчивость...» [10, т. 2, с. 12]. Но его открытый, любящий взгляд позволяет ему сделать заключение: «чтобы быть народным», надо быть «воспитанным ... в средоточии жизни своего народа, разделять надежды своего отечества, его стремление, его утраты — словом, жить его жизнью и выражать его невольно, выражая себя» [10, т. 2, с. 13].

Таким образом, молодой мыслитель ставит и пытается решать фундаментальные вопросы: что есть русский народ, каковы основания и качества его характера; где должно быть место мыслящего человека в обществе и его образа мысли о судьбах своего отечества; обязанность высказаться «по совести» и быть услышанным, нуж-

ным; необходимость «общего мнения» (которого пока нет) как результата «народной образованности». В постановке этих вопросов нет никакой трагичности, ибо: «нам дано еще надеяться», а эта надежда согрета любовью И. В. Киреевского, с сожалением восклицаящего: «Для чего хвалить прекрасное не также легко, как находить недостатки?» [10, т. 2, с. 13].

Уже к 1829 г. определены не только цель и средство дальнейшей деятельности, но и мотивация самих стремлений. При этом, несмотря на то что И. В. Киреевский выступает как литератор, именно история с первых шагов на литературном поприще становится центром его внимания. Объективную значимость истории он подчеркнул во втором своем выступлении в печати («Обозрение русской словесности 1829 года»), констатируя, что именно «история в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития; направление историческое обнимает все» [10, т. 2, с. 19]. И совсем не случайно следом он делает вывод, что и «политические мнения для приобретения своей достоверности должны обратиться к событиям, следовательно, к истории ...» [10, т. 2, с. 19]. Но не только политика, а и «философия, сомкнувши круг своего развития сознанием торжества ума и бытия, устремила всю деятельность на применение умозрений к деятельности, к событиям, к истории природы и человека» [10, т. 2, с. 19]. И даже математика обратилась «к сведению теории на существенность деятельности» [10, т. 2, с. 19]. Сосредоточилась «в роде историческом» и поэзия.

Следовательно, история стала не только центром всех познаний, но и единственным условием всякого развития. А поэтому и подробное обозрение русской словесности И. В. Киреевский начинает с Карамзина, назвав его воображение «чистой совестью нашего народа» [10, т. 2, с. 20]. Дело еще в том, что и саму словесность, литературу И. В. Киреевский считал «единственным указателем нашего умственного развития». Но это уже годом позже — «из дальних странствий возвратясь». Мы же имеем полное право первые его опыты (по форме литературно-критические) считать гораздо более сложными произведениями, где «нечто о характере поэзии Пушкина» есть весьма существенное об Отечестве Пушкина. И не случайно уже в постановке задачи в «Обозрении ... 1829 года» И. В. Киреевский уточняет и конкретизирует главную цель деятельности на протяжении всей жизни: определить особенность литературы, открыть в ней признаки господствующего направления нашей словесности вообще и ее отношение к целостному просвещению Европы. Именно здесь

здесь впервые ставится проблема соотношения образованности (и в обобщении — судьбы вообще) отечественной и западноевропейской. Взгляд И. В. Киреевского был направлен в сторону Запада. К Востоку как объекту исследования интерес отсутствует вовсе, а отдельные его вторжения — лишь эпизоды, коренным образом не изменяющие жизнь и судьбу русского народа. Хотя эти влияния, порой и весьма существенные, не отвергаются.

В «Обзрении ... 1829 года» автор, используя образное выражение «бездонное море народной жизни», понимает, сколь трудно его «изведать вполне», но не считает эту задачу недостижимой. Речь идет не о принципиальной конечной неизведанности, а лишь о том, что этот процесс будет долгим из-за отдаленности времен и мутности источников. Кроме того, «невозможно объять народной жизни во всех ее подробностях, покуда частные отрасли ее развития не обработаны в отдельных творениях и не сведены к последним выкладкам» [10, т. 2, с. 21]. А потому ему кажутся весьма странными нападки на «бессмертного историка» Карамзина, достоинство «Истории ...» которого растет вместе с жизнью протекших времен» [10, т. 2, с. 19].

Для И. В. Киреевского как жизнь человека неразрывна с жизнью своего отечества, так и бытие России невозможно понять в отрыве от Европы. Этот подход он уже продемонстрировал в первой статье, рассматривая творчество Пушкина в контексте развития западноевропейской словесности. Теперь же он выстраивает целую теорию европейского развития и места России в нем. Кратко проследим ход его мысли.

Каждый из европейских народов совершил свое назначение, выразил свой характер, нашел особенность своего направления и уже не живет отдельной жизнью: «жизнь целой Европы поглотила самостоятельность всех частных государств» [10, т. 2, с. 38]. На всех этапах этого развития доминировало какое-либо государство — попеременно управляло «судьбою европейской образованности». Причиною же господства было развитие внутренней силы. «Англия и Франция находятся теперь на вершине европейского просвещения; но влияние их не может быть живительное, ибо их внутренняя жизнь уже окончила свое развитие, состарилась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним приличною» [10, т. 2, с. 38]. Отсюда И. В. Киреевский делал вывод, что в данный момент Европа представляет «вид какого-то оцепенения». Однако в мире есть еще два свежих, молодых народа, которые «цветут надеждою», — это Соединенные Американские Штаты и Россия.

В связи с отдаленностью Соединенных Штатов, односторонностью их образованности вся надежда на Россию. Чем же руководствовался автор, делая такой вывод, и были ли объективные основания у самой России стать такой надеждой? И. В. Киреевский в этом не сомневается. Он был уверен, что «венец просвещения европейского служил колыбелью для нашей образованности; она рождалась, когда другие государства уже доканчивали круг своего умственного развития, и где они остановились, там мы начинаем» [10, т. 2, с. 38]. Россия видится И. В. Киреевскому младшей сестрой (но богатой опытностью старших) в большой, дружной европейской семье.

Он видит колыбель русской образованности не в своей собственной истории, а в венце идеализированной европейской истории. Для него объективное основание надежды на великое будущее России есть «совместное действие» важнейших государств Европы в образовании начала нашего просвещения. Это-то и «приготовило ему характер общеевропейский и вместе дало возможность будущего влияния на всю Европу» [10, т. 2, с. 39]. Но не только внешние факторы способствуют возвышению России в качестве европейского лидера. «К той же цели ведут нас гибкость и переимчивость характера нашего народа, его политические интересы и самое географическое положение нашей земли» [10, т. 2, с. 39]. Из всего сказанного И. В. Киреевский не мог не сделать логичного вывода, полного радужных надежд: «Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России» [10, т. 2, с. 39].

Но от чего же в самой России зависит ее судьба? Только от просвещения, ибо оно — источник всех благ. И все дело — в их приобретении, когда же все они «будут нашими, мы ими поделимся с остальной Европою и весь долг наш заплатим ей сторицею» [10, т. 2, с. 39]. Однако эта живописная схема-концепция-план действий отрезвляется беспристрастным сознанием; что «у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас нет еще литературы», хотя и есть залог всех благ: «надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!» [10, т. 2, с. 38].

Все необходимое есть за исключением одного: нет полного отражения умственной жизни народа, а следовательно, нет того, что отражает ее. В частности, философии. А она так важна, что «и самая жизнь наша, может быть займет от нее изящество стройности». Но если нет отражения умственной жизни, нет философии, то откуда придет она и где искать ее? Сомнений для И. В. Киреевского «откуда» и «где» нет: «первый шаг наш должен быть присвоением ум-

ственных богатств той страны, которая в умозрении опередила все другие народы» [10, т. 2, с. 27], то есть Германии. Хотя он и отдает себе отчет, что «чужие мысли полезны только для развития собственных», ибо «философия немецкая вкорениться у нас не может», а потому «наша философия должна развиться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта» [10, т. 2, с. 27]. Но автор не дает ответа: когда и как. Ибо об этом, по его мнению, скажет само время.

Таким образом, из своих интересов текущая жизнь должна присваивать чужие богатства. Но это в том случае, если не нажиты свои или они не полноценны по сравнению с чужими. А если своя жизнь не создала полноценного, то сможет ли она достойно присвоить чужое, не говоря уже о его дальнейшем высшем развитии? И. В. Киреевский не задается подобными вопросами, он лишь поясняет, что «присвоение» не есть подражание, ибо «всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно». А потому он ценит только «подражание из любви», которое может быть «поэтическим и даже творческим». Но если оно будет таким, то можно ли подражая «совершенно забыть себя, и не оттого ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа?» [10, т. 2, с. 30]. Вышесказанное объясняет высокую оценку, данную в эти годы деятельности Новикова, в которой И. В. Киреевский видел образец и для самого себя.

Дозаграничный период в жизни и творчестве И. В. Киреевского свидетельствует об интенсивнейшей внутренней работе молодого мыслителя. И хотя внешне это выразилось всего лишь в двух литературно-критических по форме публикациях, они говорят о его глубочайшем интересе к историческому развитию России. И не случайно истинным ядром его литературных обзоров становятся философские рассуждения о путях развития отечества. Именно здесь И. В. Киреевским была поставлена в самом общем виде центральная проблема его жизни и творчества, которая нашла свое классическое разрешение в статье, которая своим названием подчеркивала суть дела: «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852 г.) и положения которой нашли полное понимание, одобрение и поддержку в лице великого оптинского старца о. Макария — духовного отца И. В. и Н. П. Киреевских [11, с. 629].

Несмотря на пафос любви к отечеству, оно для И. В. Киреевского лишь то, что может и имеет основания стать великим, но не нечто самоценное в прошлом и настоящем. И уж совсем невозможно представить, чтобы он в 1820-е — начале 1830-х гг. мог сказать, что «ко-

рень образованности России живет еще в ее народе и, что всего важнее он живет в его святой православной Церкви. Потому на этом только основании, и ни на каком другом, должно быть воздвигнуто прочное здание просвещения в России ...» [10, т. 1, с. 220]. В дозаграничном периоде религиозные вопросы в публикациях почти не замечаются, если не считать брошенного вскользь в «Обзрении ... 1829 года» замечания: «Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству ...» [10, т. 2, с. 31]. Хотя, конечно же, эти вопросы волновали молодого мыслителя. Достаточно вспомнить его призыв-обещание в письме к А. И. Кошелеву (1827 г.): «Мы возвратим права истинной религии ...» [10, т. 1, с. 10], весьма глубокое и интересное суждение о Шлейермахере и т. д. Но эта тема требует отдельного, неспешного исследования в связи с «Историей обращения Ивана Васильевича».

Первые выступления в печати И. В. Киреевского не остались незамеченными. Причем мнения замечательных современников сходились в одном: в оценке глубокомысленности его суждений. А. С. Пушкин в своих записках назвал «Обзрение ... 1829 года» «красноречивым и полным мыслью» [10, т. 1, с. 49], а В. А. Жуковский 21 января 1830 года писал о только что отправившемся за границу И. В. Киреевском: «Ваня — самое чистое, доброе, умное и даже философическое творение» [10, т. 1, с. 20, 21].

Скрупулезное исследование дальнейшего творческого развития взглядов И. В. Киреевского на историческое развитие России наглядно показывает, как непросто был путь глубоких раздумий, как одна и та же мысль в разных сочетаниях, контекстах звучала в разных вариантах. Он считал, что историк есть «проводник народного самопознания» [10, т. 2, с. 18], способом выражения которого является слово. А ему-то мыслитель и уделял громадное внимание. И потому совсем не случайно в размышлениях, оставшихся в бумагах после смерти, находятся удивительные суждения о слове, которые применимы в первую очередь к творчеству самого автора.

Для него слово «как прозрачное тело духа, должно соответствовать всем его движениям. Потому, оно беспрестанно должно менять свою краску, сообразно беспрестанно изменяющемуся сцеплению и разрешению мыслей. В его переливчатом смысле должно трепетать и отзываться каждое дыхание ума» [10, т. 1, с. 273]. Подробное изучение творческого наследия И. В. Киреевского красноречиво свидетельствует, что «дыхание ума» его было безостановочным до скончания дней. А потому неспешное, детальное вдумывание в его «беспрестанно изменяющееся сцепление и разрешение мыслей» 1820-

1830-х гг. об историческом развитии России дает нам возможность более определенно понять, что и почему менялось как в самом основании осмысления, так и в результатах его в последующие годы.

Литература

1. Виноградов П. Г. И. В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. — 1892. — № 11.
2. Ляковский В. Братья Киреевские, жизнь и труды их. — СПб., 1899.
3. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
4. Смолич И. И. В. Киреевский // Путь. — 1932. — № 33.
5. Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. — М., 1993.
6. Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время. — Джорданвилль, 1970.
7. Мюллер Э. И. В. Киреевский и немецкая философия // Вопросы философии. — 1993. — № 5.
8. Котельников В. А. Литератор-философ // И. В. Киреевский. Избранные статьи. — М., 1984.
9. Комаров Ю. С. Общество и личность в православной философии. — Казань, 1991.
10. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1-2. — М., 1911.
11. Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. Письма к мирским особам. — СПб., 1993.

О. М. Солошенко

НАЦІОНАЛЬНИЙ СКЛАД НАСЕЛЕННЯ ХАРКІВЩИНИ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ ст.

Національна структура населення Харківщини, як і інших районів України, формувалася на протязі століть під впливом соціально-економічного, політичного та культурного розвитку. На середину ХІХ ст. тут склалося стійке національне співвідношення населення. Зазначимо, що процес заселення території краю був дещо відмінний від сусідніх Півтавської та Чернігівської губерній, зокрема, для Харківщини був характерний значно більший відсоток росіян.

Вивчення національного складу населення ускладнюється тим, що в матеріалах ревізій, як правило, враховувалося лише чоловіче населення, облік проводився по окремих групах занять населення. Земські статисти при обліку населення також не звертали уваги на національний склад. Це, безумовно, ускладнює вивчення даного